

Сергей Донатович
ДОВЛАТОВ
1941 – 1990

Сергей
ДОВЛАТОВ

Марш одиноких

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Д 58

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-09058-3

© С. Д. Довлатов (наследники), 2019
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

ВОЗВЫШЕНИЕ И ГИБЕЛЬ
«НОВОГО АМЕРИКАНЦА»

(Вместо предисловия)

Эти заметки напоминают речь у собственного гроба.

Вы только представьте себе — ясный зимний день, разверстая могила. В изголовье — белые цветы. Кругом скорбные лица друзей и родственников. В бледном декабрьском небе тают звуки похоронного марша...

И тут — поднимаетесь вы, смертельно бледный, нарядный, красивый, усыпанный лепестками гладиолусов.

Заглушая испуганные крики толпы, вы произносите:

— Одну минуточку, не расходитесь! Сейчас я поименно назову людей, которые вогнали меня в гроб!..

Велико искушение произнести обличительную речь у собственной могилы. Вот почему я решил издать этот маленький сборник.

Этот сборник — для тех, кто знал и любил «Новый американец» в период его расцвета. Кто скорбит о былом его великолетии. В ком живет ощущение потери.

Парадокс заключается в том, что «Новый американец» — жив. Он жив, как марксистско-ленинское учение. При всех очевидных чертах его деградации и упадка.

Умер-то, собственно, — я. «Новый американец» всего лишь переродился.

Хотя в нем по-прежнему работают талантливые люди. Сохраняются привлекательные черты институтского капутника. И газета по-прежнему оформлена со вкусом.

Но главное — исчезло. То, ради чего и создавался «Новый американец». Что принесло ему какую-то известность.

«Новый американец» утратил черты демократической альтернативной газеты. Он перестал быть свободной дискуссионной трибуной.

Умирание «Нового американца» — пышно и безвозвратно. Так уходит под воду большой океанский корабль. Но мачты — видны...

Историей «Нового американца» займутся другие. Для этого я чересчур субъективен. Тем более что многие помнят, как это все начиналось.

Кто-то помнит хорошее. Кто-то — плохое. Наша память избирательна, как урна...

Поэтому я лишь бегло коснусь исторических вех. Оставаясь в рамках скромной гражданской панихиды...

Как я теперь сознаю, газета появилась в исключительно благоприятный момент. Эмиграция достигла пика. С авторами не было проблем. (Как нет и теперь. Грамотеев хватает. Из одних докторов наук можно склотить приличную футболъ-

ную команду.) Потребность в новой газете казалась очевидной. Существующая русская пресса не удовлетворяла читателя. «Новое русское слово» пользовалось языком, которым объяснялись лакеи у Эртеля и Златовратского...

В общем, дело пошло. Мы получили банковскую ссуду — 12 тысяч долларов. Что явилось причиной немислимых слухов. Относительно того, что нас субсидирует КГБ.

А мы все радовались. Мы говорили:

— Это хорошо, что нас считают агентами КГБ. Это укрепляет нашу финансовую репутацию. Пусть думают, что мы богачи...

Газета стала реальностью. Ощущение чуда сменилось повседневными заботами. Мы углубились в джунгли американского бизнеса.

Идеи у нас возникали поминутно. И любая открывала дорогу к богатству.

Когда идей накопилось достаточно, мы обратились к знакомому американцу Гольдбергу. Гольдберг ознакомился с идеями. Затем сурово произнес:

— За эту идею вы получите год тюрьмы. За эту — два. За эту — четыре с конфискацией имущества. А за эту вас просто-напросто депортируют...

Пришлось начинать все сначала.

Одновременно вырабатывалась творческая позиция газеты. Мы провозгласили:

«Новый американец» является демократической свободной трибуной. Он выражает различные, иногда диаметрально противоположные точки зрения. Выводы читатель делает сам...

Мы называли себя еврейской газетой. Честно говоря, я был против такой формулировки. Я считал «Новый американец» «газетой третьей эмиграции». Без ударения на еврействе.

Начались разговоры в общественных кругах. Нас обвиняли в пренебрежении к России. В местечковом шовинизме. В корыстных попытках добиться расположения богатых еврейских организаций.

Старый друг позвонил мне из Франции. Он сказал:

— Говорят, ты записался в правоверные евреи. И даже сделал обрезание...

Я ответил:

— Володя! Я не стал правоверным евреем. И обрезания не делал. Я могу это доказать. Я не могу протянуть тебе свое доказательство через океан. Зато я могу предъявить его в Нью-Йорке твоему доверенному лицу...

Параллельно с еврейским шовинизмом нас обвиняли в юдофобии. Называли антисемитами, погромщиками и черносотенцами. Поминая в этой связи Арафата, Риббентропа, Гоголя.

Один простодушный читатель мне так и написал: «Вы самого Гоголя превзошли!»

Я ему ответил: «Твоими бы устами...»

В нашей газете публиковались дискуссионные материалы о Солженицыне. Божже, какой это вызвало шум. Нас обвиняли в пособничестве советскому режиму. В прокоммунистических настроениях. Чуть ли не в терроризме.

Распространилась легенда, что я, будучи тюремным надзирателем, физически бил Солжени-

цына. Хотя, когда Солженицына посадили, мне было три года. В охрану же я попал через двадцать лет. Когда Солженицына уже выдвинули на Ленинскую премию...

И все-таки дела шли неплохо. О нас писали все крупные американские газеты и журналы. Я получил вырезки из Франции, Швеции, Западной Германии. Был приглашен как редактор на три международных симпозиума. Вещал по радио. Пестрел на телевизионных экранах.

У нас были подписчики даже в Южной Корее...

Я мог бы привести здесь сотни документов. От писем мэра Коча до анонимки на латышском языке. Но это — лишнее. Кто читал газету, тот знает...

Годовой юбилей мы отмечали в ресторане «Сокол». По территории он равен Ватикану. В огромном зале собралось человек девятьсот. Многие специально приехали из Филадельфии, Коннектикута и даже Техаса.

Видимо, это был лучший день моей жизни...

Дальнейшие события излагаю бегло, пунктиром.

Ощущение сенсационности и триумфа не пропадало. Хотя проблем было достаточно. Во-первых, не хватало денег. Что расхолаживало при всем нашем энтузиазме.

Нужен был хороший бизнес-менеджер. Попросу говоря, администратор. Деловой человек. Да еще в какой-то степени — идеалист.

Уверен, что такие существуют. Уверен, что деньги не могут быть самоцелью. Особенно здесь, в Америке.

Сколько требуется человеку для полного благополучия? Сто, двести тысяч в год? А люди здесь ворочают миллиардами.

Видимо, деньги стали эквивалентом иных, более значительных по классу ценностей. Ферментом и витамином американского прогресса.

Сумма превратилась в цифру. Цифра превратилась в геральдический знак.

Не к деньгам стремится умный бизнесмен. Он стремится к полному и гармоническому тождеству усилий и результата. Самым убедительным показателем которого является цифра.

Короче, нужен был администратор. Я считал, что все несчастья из-за этого.

К тому же монополия пресса давила нещадно. Обработывала наших рекламодателей. ТERRORИЗировала авторов. Распускала о нас чудовищные слухи.

Со временем мне надоело оправдываться. Пускай люди думают, что именно я отравил госпожу Бовари...

Когда-нибудь Седых окажется в раю. И скажут ему апостолы:

— Всем ты хорош, дядя Яша! А вот Серегу Довлатова не оценил...

Шло время. Обстановка в редакции была замечательная. С легкой поправкой на общее безумие.

Помню, Наталья Шарымова собиралась в типографию. Дело было вечером. Район довольно гнусный.

Я сказал бородатым мужчинам Вайлю и Генису:

— Нехорошо, если Шарымова поедет в типографию одна.

На что красивый плотный Генис мне ответил:

— Но мы-то с Петькой ездим...

Обстановка была веселая и праздничная. Хотя давно колебалась земля у меня под ногами.

Я проработал в «Новом американце» два года. Был, пышно выражаясь, одним из его создателей. И — наемным редактором. Правда, без зарплаты. Совладельцем не был. Акций не имел.

Парадокс заключался в следующем. У газеты было три хозяина. И с десятков наемных работников. Хозяева работали бесплатно. Как и положено владельцам нового бизнеса. В расчете на грядущие барыши.

Наемные работники зарплату получали. Хорошую, но маленькую. Вернее, маленькую, но хорошую.

Итак, хозяева получали моральное удовлетворение.

Наемники — скромную зарплату.

Я же был личностью парадоксальной. Психологически — хозяином. Юридически — наемником. Хозяином без собственности. Наемником без заработной платы.

Держался соответствующим образом. Требовал у хозяев отчетности. Давал советы руководству. Изнурял Бориса Меттера соображениями дисциплины.

И меня уволили. Без всяких затруднений. Поскольку я был в юридическом смысле — никто.

Я ушел. Ко мне присоединился творческий состав. Мы уговорили господина Дескала из «Русси-

ки» финансировать «Новый свет». Газета просуществовала месяца два.

Затем господин Дескал купил «Новый американец». Предложил нам вернуться. Обещал творческую свободу. И я вернулся.

Вы скажете:

— Хорош! Его обидели, а он вернулся. Где же твое чувство собственного достоинства?

Я отвечу:

— «Новый американец» был моим любимым детищем. Предметом всех моих надежд. Пышно выражаясь — делом жизни. Известен ли вам предел, где должен остановиться человек, цепляющийся за свою жизнь?!

Дальше все было очень просто. Творческая свобода оказалась мифом. Все остальное не имело значения.

Зарплату наконец платили. Из песни слова не выкинешь.

Повторяю, для меня это значения не имело. К этому времени я уже что-то зарабатывал литературой.

И я ушел, на этот раз по доброй воле.

Господина Дескала я не виню. Он бизнесмен. Плевать ему на мировую культуру. На русскую — тем более. Он зарабатывает деньги. Это его право.

Он мне даже чем-то симпатичен. Такой откровенный делега. Глупо было надеяться, что средний американец — Воннегут.

Мы предъявили Дескалу ультиматум. Свобода — или уходим.

И я ушел. Это все...

Газета стала этнической, национальной. Через месяц сотрудникам запретили упоминать свинину. Даже в статьях на экономические темы. Мягко рекомендовали заменить ее фаршированной щукой...

Лишь Вайль и Генис по-прежнему работают талантливо. Не хуже Зикмунда с Ганзелкой. Литература для них — Африка. И все кругом — сплошная Африка. От ярких впечатлений лопаются кровеносные сосуды... Но пишут талантливо. Из песни... Впрочем, я это уже говорил...

С газетой покончено. Это была моя последняя авантюра. Последняя вспышка затянувшейся молодости. Отныне я — благоразумный и нетребовательный литератор средней руки. («Средняя рука» — подходящее название для мужского клуба...)

Два года я писал свои «Колонки редактора». Мне кажется, в них отразилась история третьей эмиграции. Если не история эмиграции, то история газеты. Если не история газеты, то история моей взыскующей души.

Переписывать их я не решился. Ведь наши глупости, срывы, ошибки — это тоже история. Так что печатаю все как есть.

О некоторых высказываниях я сожалею. Иные готов вытатуировать у себя на груди...

Я назвал свою книжку — «Марш одиноких». К сожалению, мы были одиноки даже в нашу лучшую пору. Одиноки мы и сейчас. Только каждый в отдельности...

Предисловие мое затянулось. Скоро утро. Как сказал бы Моргулис: «Дымчато-серым фаллосом мулата встает под окнами заря...»

Оттирает свою лавочку торгующий газетами индус. Даже он, представьте себе, знает, что я — бывший редактор «Нового американца».

Месяца три назад...

Месяца три назад я посещал ювелирные курсы. Там же занимался и английским языком. Преподавательница Кэтрин любила задавать неожиданные вопросы. Помню, она спросила:

— Как ты думаешь, будет война?

Я ответил:

— Война уже идет. Только американцы этого не знают.

— То есть как?

— Очень просто. В Тегеране захватили американское посольство. А это юридически — территория США. Кроме того, имеются пятьдесят военнопленных.

— Что же нам остается делать? — спросила Кэтрин...

Я не дипломат, не политик и не генерал. И даже не американец. Я пытаюсь взглянуть на это дело с житейской точки зрения.

Поведение человека и поведение государства — сопоставимы. Самозащита и обороноспособность — понятия идентичные, разница в масштабах, а не в качестве.

Мои представления о самозащите формировались в лагерях. Там я понял раз и навсегда:

Готовность к драке означает способность ее начать. Если к этому вынуждают обстоятельства.

Можно и воздержаться. Уйти с побитой физиономией. То есть — капитулировать...

Увы, поражение в драке не означает ее конца. Тебя будут избивать систематически. И наконец уничтожат в тебе человека.

То же происходит и с государством.

Готовность к войне означает способность ее начать. Если к этому вынуждают обстоятельства.

Тито говорил:

— Мы будем сражаться до последнего!

Его не тронули. Прожил жизнь уважаемым человеком.

Нечто подобное выкрикнул и Чаушеску. Или намекнул. Его не трогают...

Я слышу разумные трезвые доводы:

— А если — война?! Это значит — конец?! Что может быть ужасней смерти?!

Ужасней смерти — трусость, малодушие и неминуемое вслед за этим — рабство.

Да и не рано ли говорить о смерти? Вон евреи освободили своих заложников, и ничего. Живы-здоровы.

Уметь надо...

Нам часто задают вопрос...

Нам часто задают вопрос:

— Какой национальности ваша газета? Русской, американской или еврейской?

Вопрос довольно сложный. Хотя когда-то, в Союзе, он решался элементарно.

У каждого был паспорт. В нем — пятая графа. И в этой графе недвусмысленно указывалось: русский, еврей или, скажем, — татарин.

Я, допустим, был армянином — по матери. Мой друг, Арий Хаймович Лернер, — в русские пробился. Даже не знаю, как ему это удалось. Говорят, теща русская была.

Мой приятель художник Шер говорил:

— Я наполовину русский, наполовину — украинец, наполовину — поляк и наполовину — еврей...

Вот какой был уникальный человек! Из четырех половин состоял...

В общем, устраивались как могли. Кто в греки шел, кто в турки подавался...

Затем началась эмиграция. И повалил народ обратно, в евреи. Замелькали какие-то бабушки из города Шклова. Какие-то дедушки из Бердянска. Мой знакомый Пономарев специально в Гомель ездил, тетку нанимать... Еврейские женихи и невесты резко подскочили в цене...

Начинающего эмигранта Кунина спросили:

— Ты хоть Жаботинского читал?

— Да вы путаете, — удивился Кунин, — это Юрий Власов книгу написал, а Жаботинский, говорят, и читает с трудом...

И наконец — мы здесь. И кончился весь этот дурацкий балаган.

Да будь ты кем хочешь! Кем себя ощущаешь! Русским, евреем, таджиком!..

Теперь о газете.

Мы говорим и пишем на русском языке. Наше духовное отечество — многострадальная русская культура.

И потому мы — РУССКАЯ ГАЗЕТА.

Мы живем в Америке. Благодарны этой стране. Чтим ее законы. И если понадобится, будем воевать за американскую демократию.

И потому мы — АМЕРИКАНСКАЯ ГАЗЕТА.

Мы — третья эмиграция. И читает нас третья эмиграция. Нам близки ее проблемы. Понятны ее настроения. Доступны ее интересы.

И потому мы — ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА.

Вот так обстоят дела.

Кто-то недоволен?

Переживем.

Ведь свободу, кажется, еще не отменили!

Мы часто задаем себе вопрос...

Мы часто задаем себе вопрос:

— Каков наш гипотетический идеальный читатель? Кто он? Чем занимается? Насколько высок его культурный уровень?

Одни доброжелатели рекомендуют:

— Газета ваша слишком умная. Культура да политика... Пишите больше о спорте... О фудстемпах... О том, где кого зарезали...

Другие, наоборот, советуют:

— Зачем нам спорт? Зачем эти кулинарные рецепты и голливудские сплетни? Пишите больше о духовном, о возвышенном...

Положение наше довольно сложное. И вот почему.

В моем родном Ленинграде издавалось около двухсот газет. Была, например, газета — «За культуру торговли». Или, допустим, — «Мясной гигант». (Орган ленинградского мясокомбината.) Выходила газета «Моряк Балтики». (В которой одно время работал наш президент Борис Меттер.) «Строительный рабочий». (Где начинал Алексей Орлов.) Или — «За кадры верфям». (Где начинал я сам.)

Имелся даже такой печатный орган — «Голос бумажника». (Газета писчебумажного комбината.)

В общем, много было газет. На любой вкус. Все, что угодно, можно было там прочесть. Все, кроме правды...

Здесь — положение иное. Круг читателей довольно узок. Аудитория сравнительно небольшая.

Вот и получается, одна газета должна удовлетворять многим требованиям.

Когда-то, я уверен, здесь будут выходить десятки изданий. Но сейчас об этом рано говорить...

А следовательно, наша газета должна быть разнообразной, многосторонней, универсальной.

Таким же мы представляем и нашего гипотетического читателя.

Это человек любого вероисповедания, ненавидящий тиранию, демагогию и глупость.

Обладающий широким кругозором в сфере политики, науки, искусства.

Отдающий должное как высокой литературе, так и развлекательному чтению.

Чуждый снобизма, интересующийся шахматами и футболом, голливудской хроникой и астрологическими прогнозами.

Это человек, озабоченный судьбами заложников, но готовый увлечься и кроссвордом.

Это человек, уяснивший главное, — мир спасут отвага, доброта и благородство.

Короче, это — обыкновенный человек, простой и сложный, грустный и веселый, рассудительный и беспечный...

Надеюсь, ты узнаёшь себя, читатель?

С детства нам твердили...

С детства нам твердили:

— Бога нет... Материя первична... Человек произошел от гориллы...

Атеистическая пропаганда достигала своей цели. Ее доктрины воспринимались как нечто бесспорное.

Да и сама жизнь отчасти к этому подталкивала. Взглянешь на иного соотечественника — действительно, от гориллы. Причем недавно...

Атеистическая пропаганда достигала также и обратной цели. Значительная часть интеллектуалов пришла к религии. И в этом не только оппозиция государственному материализму. В этом — тоска по утраченной духовности, жажда непосредственных чувств...

И вот мы здесь, на свободе. Утихла борьба за коммунистические идеалы. Спали оковы материалистических доктрин. Отринуты насильственные догмы. Забыты принудительные верования.

Мы сыты, одеты, здоровы. Мы почти так же элегантны, как наши автомобили. Почти так же содержательны, как наши холодильники.

Может, обойдемся вообще без идеалов? Заменяем государственный материализм — бытовым, ежесекундным, обыденным? Разрушим ложные идеи, и да здравствует безыдейность?!

Трудна дорога от правды к истине. Альтернатива правды — ложь. Альтернатива истины — другая истина, более глубокая, более жизнеспособная.

Философский материализм принадлежит к числу глубочайших истин.

Веками противостоит ему истина религии, истина Бога.

Мы, я думаю, находимся где-то посередине...

Среди моих друзей немало обращенных христиан. Есть также обращенные иудаисты. Увы, я не заметил, чтобы они были милосерднее, сострадательнее, а главное — терпимее других людей.

Видимо, такое приходит не сразу.

При этом, я знаю, в лагерях так называемые «религиозники» держались с исключительным мужеством. В тягчайшие минуты они проявляли бодрость духа и готовность к самопожертвованию. Было заметно, что вера дает им силу противостоять невыносимому гнету.

Заключенные, да и надзиратели, относились к верующим с большим уважением.

Помню, в бараке разоблачили одного стукача. Некто Бусыгин, потомственный скопач, человек далекий от религии, воскликнул:

— Может, Бога и нет! Но Иуда — перед вами!..

Сам я, увы, человек нерелигиозный. И даже — неверующий. Разве что суеверный, как все неврастеники.

И все-таки часто задумываюсь. Я ведь уже далеко не юноша. Придет когда-то смерть и вычеркнет меня.

И что же в результате — лопух на могиле? Неужели это — все, предел, итог?!

Или наши души бессмертны? Но тогда мы обязаны дорожить каждой минутой.

Это произошло в лагере...

Это произошло в лагере особого режима. Зэка Чичеванов, грабитель и убийца, досиживал последние сутки. Наутро его должны были освободить. За плечами оставалось двадцать лет срока.

Ночью Чичеванов бежал. Шесть часов спустя его задержали в поселке Иоссер. Чичеванов успел взломать продуктовый ларь и дико напиться. За побег и кражу ему добавили четыре года...

Эта история буквально потрясла меня. Случившееся казалось невероятным, противоестественным. Но капитан УВД Прищепа мне все объяснил. Он сказал:

— Чичеванов отсидел двадцать лет. Он привык. На воле он задохнулся бы, как рыба. Вот и рванул, чтобы срок намотали...

Нечто подобное испытываем мы, эмигранты. Десять, тридцать, пятьдесят лет неволи, и вдруг — свобода. Рыбы не рыбы — а дыхание захватывает...

Восемь эмигрантов из десяти мотивируют свой отъезд нравственными причинами. Мы выбрали — свободу.

А получили — свободу выбора.

Как это непривычно — уважать чужое мнение! Как это странно — дать высказаться оппоненту! Как это соблазнительно — быть единственным конфидентом истины!

Казалось бы, свобода мнений — великое завоевание демократии. Да здравствует свобода мнений! С легкой оговоркой — для тех, чье мнение я разделяю.

А как быть с теми, чье мнение я не разделяю? Их-то куда? В тюрьму? На сто первый километр? Может, просто заткнуть им глотку? Не печатать, не издавать, не экспонировать?..

Появляется в газете спорный материал. На следующий день звонки:

— Вы посягнули на авторитеты! Вы осквернили святыни! Нарушили, затронули, коснулись...

Еще раз говорю — нет святых при жизни! Нет объектов вне критики! Нет партийных указаний! Нет методических разработок! Нет обкомовских директив!

Читатель делает выводы — сам. И другого пути — нет. Вернее — есть. Через советское посольство и кассы «Аэрофлота».

Дальнейшее прошу напечатать жирным шрифтом:

Газета является независимой и свободной трибуной.

Эта трибуна предоставляется носителям разных, а зачастую и диаметральных мнений.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и несет ответственность лишь за уровень дискуссии...

В остальном — дело за читателем!..

Нелегкое это благо — свобода выбора. Помню, зашел я с матерью в кондитерскую лавку на Бродвее. Что-то ей не понравилось. Она и говорит:

— Хорошо бы в жалобную книгу написать. Или позвонить куда-нибудь...

— А может, — говорю, — просто зайти в другую лавку?..

«Новый американец» — молодое издание...

«Новый американец» — сравнительно молодое издание. У нас есть масса проблем: финансовых, творческих, организационных...

Что нас поддерживает? Уверенность в правоте начатого дела. Любовь к газетной работе. Доверие и энтузиазм читателей. И разумеется — благородная помощь коллег-журналистов.

Нас поддержали — «Континент», «Эхо», «Третья волна», «Русская мысль». Я мог бы назвать десятки славных имен...

В этой связи несколько обескураживает позиция, занятая руководством «НРС». Казалось бы, уважаемый печатный орган с многолетней высокой репутацией. Самая популярная русская газета в Америке. Процветающее коммерческое учреждение с миллионными оборотами...

Довлатов С.

Д 58 Марш одиноких / Сергей Довлатов. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 144 с. — (Аз-
бука-классика).

ISBN 978-5-389-09058-3

Сегодня Сергей Довлатов — один из самых популярных и читаемых русских писателей конца XX века. Его произведения — та самая великая классика, которая при всем своем масштабе остается простой, занятной и доступной любому читателю, независимо от возраста, национальности, начитанности или, говоря словами самого Довлатова, «степени интеллектуальной придиричности». Лев Лосев сформулировал это в простейшей фразе: «Довлатов знал секрет, как писать интересно».

В 1980–1982 годах Довлатов вел рубрику в еженедельнике «Новый американец», являясь его главным редактором. Настоящая книга предлагает вниманию читателей собрание избранных статей той эпохи и дает яркое представление еще об одной грани необыкновенного таланта автора.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ
МАРШ ОДИНОКИХ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Елена Шнитникова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.12.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 6,35. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-VAK-17071-08-R